

Ю.Ю. Даниленко
Пермь, Россия

РЕМИНИСЦЕНЦИИ КЛАССИКИ В СОВРЕМЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ» ВЛАДИМИРА СОРОКИНА)

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу механизмов освоения классических текстов современной литературой (на материале повести В. Сорокина «Метель»). Также в работе рассматривается трансформация авторского метода В. Сорокина.

Ключевые слова: Владимир Сорокин, трансформация авторского метода, реминисценция классической литературы.

J.Yu. Danilenko
Perm, Russia

REMINISCENCE OF CLASSICAL LITERATURE IN MODERN TEXT (ON MATERIAL THE NOVEL «SNOW-STORM» BY VLADIMIR SOROKIN)

Abstract: On the material of the V.Sorokin's novel "Metel" («Snowstorm») the author shows different ways of classical texts revision in contemporary Russian literature. The article also explores the transformations of V. Sorokin's crestive method.

Keywords: Vladimir Sorokin, the transformation of author's method, reminiscence of classical literature.

Повесть «Метель» как образец нового метода

2010 год для творчества Владимира Сорокина ознаменовался выходом нового произведения – повести «Метель», которая получила достаточно высокую оценку критики, а также «серебро» премии «Большая книга». Повесть стала заметным событием в современном литературном процессе и российском культурном пространстве в целом (уже в 2011 году в Московском государственном театре «У Никитских ворот» М. Розовский поставил спектакль «Метель» по повести В. Сорокина), а также знаковой вехой для творчества писателя.

Последняя повесть В. Сорокина, на наш взгляд, представляет собой интерес, прежде всего, с точки зрения трансформации писательского метода. Черты нового метода письма постепенно формируются в текстах нулевых годов, таких как «Сахарный Кремль», «День опричника». Идеино-эстетическую близость этих произведений подчеркивают почти все критики, отмечая в текстах Сорокина не свойственные им ранее черты антиутопии, остро социальную проблематику [Панкратов].

Представляется, на примере этих последних текстов В. Сорокина («Сахарный Кремль», «День опричника», «Метель») можно пронаблюдать значительные изменения, которые претерпевает характерный, узнаваемый авторский метод деконструкции, когда сами приемы построения повествования были смыслообразующими: знаменитые «нечитаемые» фрагменты текста, подрывающие линейность высказывания и одновременно выставляющие дополнительную рамку художественности, взрыв жанровых канонов и т.д. Деконструкция властного дискурса как метод, а также как сверхидея всего раннего творчества писателя, похоже, исчерпала себя. От эстетской постмодернистской поэтики, отчетливо проявленной в ранних произведениях автора (сборниках «Первый субботник», «Очередь», «Пир» и др.) В. Сорокин движется, в чем убеждают послед-

ние тексты писателя («Сахарный Кремль», «День опричника»), к освоению приемов массовой литературы: обращение к злободневной социальной проблематике, ориентация на популярный жанры антиутопии, альтернативной истории, упрощение повествовательных конструкций. Этот вектор движения В. Сорокина в сторону угоды массовому сознанию уже подмечен рядом исследователей. Так, к примеру, Е. Погорелая справедливо констатирует: «Все эти приемы, активно отработанные еще в андеграунде 80-х, окончательно отвердевают в (анти)утопическом триптихе, превращая последние сорокинские романы – я имею в виду “День опричника”, “Сахарный Кремль” и декорационно к ним примыкающий полуроман, полуповесть “Метель”, – на которые писатель, как видно, возлагал определенные идеологические надежды, в литературное reality-шоу с элементами КВНа» [Погорелая 2012].

В последней же повести «Метель» черты нового метода, на наш взгляд, видны наиболее отчетливо: это, прежде всего, стремление к воссозданию аутентичной жанровой модели (без ее взрыва в финале), возвращение к наррации – повесть становится ярким примером цельности повествования, абсолютно нехарактерного для раннего этапа творчества В. Сорокина.

По признаниям самого автора, эта повесть долгожданная и чрезвычайно значимая для писателя. «Я решал несколько задач, о которых давно задумывался, – так прокомментировал свое новое сочинение Владимир Сорокин. – Во-первых, мне захотелось написать классическую русскую повесть – и вот, наконец, «сбылась мечта идиота». Во-вторых, захотелось описать метель как героя. Кто она такая, эта метель? Ну и, наконец, метель как русский путь – бесконечный зимний путь в никуда. Собственно, это и есть наша жизнь» [Бугрова 2010].

Фабула повести такова: Зима, Россия. Уездный доктор 42-летний Платон Ильич Гарин едет в глухую деревню Долгое, жители которой нуждаются

ся в вакцинации, поскольку в деревушке свирепствует эпидемия завезённой из Боливии «чернухи». Человек, заражённый «боливийской чёрной», превращается в зомби и нападает на сородичей, зомбируя их.

Доктор Гарин отправляется в путь с возницей Перхушей. В дороге героев настигает метель и сбивает их с пути. С героями происходят невероятные происшествия, которые затягиваются на несколько суток. Доктор уже теряет надежду добраться до места назначения. Метель переворачивает судьбы героев, они так и не смогут добраться сквозь метель к своей цели. В итоге доктор Гарин не сможет выполнить свой врачебный долг – он не доберется до деревушки с говорящим названием Долгое, заплутав на полпути в бесконечном русском бездорожье. Перхуша же, безотказный возница, который по доброте своей соглашается подвезти доктора, бесславно погибает, насмерть замерзая в метели, спасая своим теплом Гарина.

Конечно, повесть В. Сорокина – это, прежде всего, постмодернистский текст, многоплановый и многоуровневый, отличительными чертами которого являются литературоцентричность, цитатность. Он будто соткан из аллюзий, реминисценций и прямых цитат из русской классической литературы: здесь и прямое указание на пушкинскую «Метель», и эпиграф из Блока, и фабула раннего рассказа Л.Н. Толстого «Хозяин и работник», и отголоски чеховской «Ведьмы», а также многие и многие другие. В настоящем случае нам интересны не сами отсылки к классическим источникам, но метод их освоения автором.

Отчаянно деконструировавший на раннем этапе творчества все властные дискурсы как таковые, и корпус классической литературы как частный случай, В. Сорокин теперь уже не стремится подорвать авторитет классики, отнюдь, пытается воссоздать аутентичную атмосферу и стилистику традиционной русской повести. Сорокину удается реконструировать русскую повесть во многом благодаря использованию ключевых для русской литературы мотивов (пути, метели, странствия), а также ключевых образов: русского интеллигента, маленького человека, бедного безропотного крестьянина. Частная история одной поездки, как водится в русской литературе, вырастает в масштабное обобщение: философское размышление о судьбе России, об идентичности русского человека внутри бескрайнего, метафизического пространства, которое обладает неизбежной властью над русским человеком. Ключевой, структурообразующий мотив метели выводит повествование на философский уровень.

В интервью с Н. Кочетковой Владимир Георгиевич сам дает ответ на вопрос «что такое метель?»: «Метель выступает не только как стихийное явление природы, но и как субъект, и объект, и персонаж, и сцена. И герой, и декорация – задник, на фоне которого происходит действие. Это стихия, которая определяет жизнь русских людей, их судьбу, это и главный персонаж»» [Кочеткова 2011].

Мотив метели традиционен для русской классической литературы. В творчестве каждого писате-

ля он получает разные трактовки, выражая авторский замысел и авторскую картину мира. Мотив метели становится сюжетообразующим во множестве произведениях русской литературы, таких авторов как А. Пушкин, В. Соллогуб, Н. Гоголь, Л. Толстой, А. Чехов, Б. Пастернак, А. Блок, Б. Пильняк и др. Все эти тексты словно вбирает в себя маленькая емкая повесть В. Сорокина. В данном случае автор даже не играет с читателем, а словно приглашает его к диалогу, переосмыслению классических текстов. Часть литературных отсылок отчетливо выражена, иные же тексты проступают лишь штрихами, деталями, добавляя тексту дополнительные смысловые оттенки, адресованные, прежде всего, достаточно тонкому искусственному реципиенту.

Мы рассмотрим связь сорокинской повести «Метель» лишь с некоторыми из классических «первоисточников» – с повестями «Хозяин и работник» Л. Толстого, «Метель» А. Пушкина, «Палата № 6» А. Чехова.

Самим заглавием В. Сорокин словно ставит определенную художественную рамку произведения, обозначая жанр и демонстрируя традицию, на которую намерен опираться, либо с которой намерен диалогизировать. Помимо прочего, заглавие выставляет достаточно высокую планку как тексту, так автору, который подобным приемом будто ставит себя в один ряд, как минимум, с именем А.С. Пушкина. Сорокин любит демонстрировать свои методы, не изменяет он себе и в этот раз.

С пушкинской «Метелью» повесть В. Сорокина роднит собственно мотив метели как некой не зависящей от человека роковой силы, мудрой и бескомпромиссной, способной изменить, закрутить в вихре и перетасовать судьбы, в одночасье изменить все планы и сломать равномерно текущее существование.

Павел Басинский же справедливо подмечает, что «искушенный читатель, конечно, заметит, что "Метель" Сорокина не имеет никакого отношения к пушкинской "Метели", по сути же, это – переписанная повесть Толстого "Хозяин и работник" с противоположным финалом» [Басинский 2010].

Действительно, ориентация на текст Л. Толстого очевидна, Сорокин использует толстовскую фабулу: хозяин и работник едут зимой по делам, их застаёт сильная метель, они долго плутают в снежных вихрях, трижды возвращаясь на то же место, откуда выехали, и, в конце концов, решают заночевать прямо в поле. Но у Толстого хозяин накрывает своим телом работника и тем самым сохраняет ему жизнь ценой собственной, а в произведении В. Сорокина наоборот – Перхуша спасает доктора. Отличие между первоисточником и «римейком» весьма значительное, и играет оно отнюдь не в пользу сорокинского героя. Герой Толстого – преуспевающий богач-купец, эгоистичный и тщеславный по натуре, в финале возвышается над собою, жертвуя собственной жизнью ради спасения своего работника. В последние минуты своей жизни герой испытывает несказанное светлое чувство, переполняющее его душу, он ощущает блаженство и радость, его душа очищается. Герой же Сорокина не достоин такого просветления.

Конечно, доктор Гарин выходит из испытания стихией другим, обновленным, перерожденным, просветленным, но это просветление иного рода. Наркотическое вещество возвращает Гарина к истинному осознанию ценности жизни. Под действием пирамидки витаминдеров меняется мировосприятие доктора Гарина, в чем прослеживается, безусловно, авторская ирония, направленная на главного героя. Именно под влиянием наркотического опьянения начинается своеобразный «новый этап» жизни доктора, пирамидка изменяет призму зрения Гарина и на жизнь, и на мир. После того как Гарин побывал на месте несчастного, приговоренного к смерти в кипящем масле, он, несомненно, посмотрел на собственную жизнь другими глазами – он увидел не важного и самодовольного барина-доктора, а простого смертного человека, уязвимого и незащитного. Очевидно, что с Гариным произошла переоценка ценностей, он начал осознавать жизнь как высший дар, как чудо, как доказательство бытия Бога. Платон Ильич начинает свой путь от разобщенности с природой и миром к некому единству, цельности, гармонии существования. В этом эпизоде В. Сорокин обыгрывает символ пирамиды как некой иерархии Вселенной¹: доктор Гарин через употребление прозрачной пирамидки понимает истинную иерархию мира, в котором существует. Несомненно, именно поэтому в живых остается Гарин, которому теперь только предстоит начать свой новый путь, новую жизнь, найти свое истинное место в мире, а не Перхуша, достигший в своей нехитрой жизни, как оказалось, главного: гармонии с миром и собою.

«Доктору было очень хорошо. Ему давно так не было хорошо. “Какое чудо – жизнь! – думал он, глядя в метель так, словно видя ее впервые. – Создатель подарил нам все это, подарил совершенно бескорыстно, подарил для того, чтобы мы жили. И он ничего не требует от нас за это небо, за эти снежинки, за это поле! Мы можем жить здесь, в этом мире, просто жить, мы входим в него, как в новый, для нас выстроенный дом, и он гостеприимно распахивает нам свои двери, распахивает это небо и эти поля! Это и есть чудо! Это и есть – доказательство бытия Божия!”»

Он с наслаждением вдыхал морозный воздух, радуясь прикосновению каждой снежинки. Он во всей полноте, всем существом своим осознал мощь нового продукта – пирамиды» [Сорокин 2010: 187].

¹ Пирамида – одна из интереснейших и загадочных геометрических фигур, и использование ее образа в тексте явно не случайно. Прежде всего нужно вспомнить отсылку к египетским пирамидам, до сих пор являющимся загадкой для современного человека. Многие ученые говорят о том, что египетские пирамиды – не просто место захоронения правителей, но и огромное помещение для Посвящения (основанием для этого послужило то, что никаких следов погребения в пирамидах так и не было обнаружено). В энциклопедии символов пирамида является символом иерархии, существующей во Вселенной. В любой области символ пирамиды может помочь перейти от низшего плана множественности и раздробленности к высшему плану единства. Единство – это ее четыре грани, соотносящиеся с 4 основными элементами – вода, земля, воздух, огонь, и вершина, которая воспринималась как Дух (Бог) – Энциклопедия символов (Электронный ресурс). – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/litagent_audiokniga/yenciklopediya_simvolov/read_online.html?page=1.

И в сорокинской «Метели», и в пушкинской стихия, несмотря на то, что также является разрушительной силой, в основе своей все-таки созидательна, метель выступает мудрой судьбой, которой нужно довериться и отдаться ее власти.

Еще одна внятная аллюзия звучит в имени сорокинского героя – Гарина, отсылающая читателя к чеховскому герою, доктору Андрею Ефимычу Рагину из повести ««Палата № 6»». (Рагин – доктор лечебницы для душевнобольных (параллель очевидна: Рагин – Гарин). Рагин, как и Гарин, пребывал в отчаянном поиске собственного призвания, своего места в жизни: как мы помним, еще будучи юношей, Рагин хотел стать священником и уже готовился принять сан, но его отец воспротивился и отдал сына на медицинские курсы. Так Андрей Ефимыч стал врачом, хотя не раз потом признавался, что никогда не чувствовал в себе призвания к медицине и вообще к специальным наукам. Рагин так и не сумел найти своего истинного призвания, также как и Гарин, который, потакавая своим слабостям, так и не реализует свое главное предназначение. Чеховский герой Рагин, слабый, безвольный, мягкий человек, попадает под сильнейшее влияние своего философствующего пациента Ивана Дмитриевича Громова. В процессе их долгих бесед о добре и зле, о боге, о счастье, об «истинном благе» Андрей Ефимыч так же, как сорокинский Гарин, только не под действием пирамидки, переживает переоценку ценностей. В итоге он сам становится пациентом собственной больницы. В финале повести Чехова герой прозревает: «От боли он укусил подушку и стиснул зубы, и вдруг в голове его, среди хаоса, ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня в день эти люди, казавшиеся теперь при лунном свете черными тенями. Как могло случиться, что в продолжение больше чем двадцати лет он не знал и не хотел знать этого? Он не знал, не имел понятия о боли, значит, он не виноват, но совесть, такая же несговорчивая и грубая, как Никита, заставила его похолодеть от затылка до пяты» [Чехов 1977: 126]. Но прозрение Андрея Ефимыча длится недолго – через день он умирает от апоплексического удара.

Диалогичность Сорокина и Чехова выражается в том самом философском прозрении, которое переживают герои Гарин и Рагин в финале, только это прозрение, опять же, разного рода и качества. У одного персонажа это прозрение со знаком «плюс»: чеховский герой Рагин перед смертью осознает собственную душевную черствость по отношению к пациентам и умирает, мучимый раскаянием, тем самым, очищается. «Прозрение» же другого героя можно оценить знаком «минус» – с доктором Гариным вроде бы тоже происходит преображение, он познает гармонию и красоту мира, мудрость и величие его Создателя. Вот только прозрение это происходит под наркотическим воздействием, что моментально нивелирует, сводит на нет все духовныеобретения героя, одновременно лишает его читательского (да и авторского) доверия и симпатии.

Сорокин, будто не выдерживая серьезной усталости нового метода, все же «прокалывается» на

своем излюбленном приеме - ирония в изображении главного героя все-таки пробивается сквозь блестящую канву стилизации повествования под классическую русскую повесть. Герой повести «Метель», доктор Платон Ильич Гарин, несмотря на все высокие образцы, черты которых угадываются в его образе, получается сниженным, неубедительным, и не вызывающим читательского доверия и сочувствия.

Сам же автор вполне доволен и финалом, и собственным героем. Вот как В. Сорокин комментирует финал повести: «Я слишком очарован нашей интеллигенцией. Если бы я был разочарован, доктор Гарин, по всей вероятности, замерз бы вместе с Перхушей. А так он выживает, хоть и напрочь отморожив себе ноги. Для настоящего русского интеллигента это, безусловно, счастливый конец» [Кочеткова 2011].

Нам же представляется, что герой Сорокина, не выдерживает «сравнения» с высокими образцами, он им всем отчаянно проигрывает. Сам того не подозревая, ориентируясь на известные образы русской литературы, В. Сорокин уничтожает своего героя: Гарин так и не находит себя, не осознает своего истинного призвания, и даже очищающей смерти он словно не достоин. Современный герой вновь терпит поражение, как ни пытался автор создать положительный образ.

Эта несостоятельность сорокинского героя уже отмечена рядом исследователей. Так, Е. Погорелая, к примеру, очень точно указывает все его промахи и слабые стороны:

«Пустившись в зимнюю непогоду в дорогу, чтобы вовремя доставить вакцину и спасти заболевших людей, доктор Гарин, несмотря на подобный “геройский” зачин, с каждой новой страницей “Метели” играет на нравственное понижение. Проводит ночь с женой приютившего его мельника-лилипута, унижает и бьет своего провожатого, хлещет безжалостно “малых” “непужаных” лошадей, тратит деньги, обещанные Перхушке (от которых тот, впрочем, отказывается), на дорогостоящий наркотик, приобретенный у “витаминдеров”... Размышляет, поглядывая на огонь папиросы во время оче-

редной остановки, приближающей катастрофу: “Что будет, если я приеду завтра? Или послезавтра? Зараженные и укушенные все равно уже никогда не станут людьми. Они обречены на отстрел. А которые сидят, забаррикадировавшись в своих избах, так или иначе, дождутся меня. И им уже не страшна боливийская черная...” [Погорелая 2012].

В целом же, подводя итог наблюдениям над методом освоения классических текстов в рамках собственного произведения, можно сделать следующие выводы: В. Сорокин в своем последнем тексте «Метель» опирается на матрицу классической литературы, пользуясь кодами классики, которые прежде активно разрушал. Обращение к классическим произведениям необходимо писателю как универсальный код, используя который, он пытается говорить с современным читателем о вечных философских проблемах: о поиске Россией собственного пути, об обретении русским человеком своего предназначения. Герой же В. Сорокина, как показал анализ реминисценций, не выдерживает проверки классическим текстом (впрочем, как и многие другие герои современной литературы).

Вывод по этому пункту напрашивается сам собой: современная литература до сих пор в поисках своих героев.

ЛИТЕРАТУРА

- Басинский П.* Отметелился // Российская газета. – № 5156 (77). – 13 апреля 2010 г.
- Бугрова О.* Интервью с Владимиром Сорокиным на радио «Голос России», 20 августа 2010 г. / Режим доступа: <http://www.radiorus.ru/archive.html?date=20-08-2010>.
- Кочеткова Н.* Обнять Метель // Известия. – 22.02.2011 г.
- Панкратов П.* Владимир Сорокин. «Метель». (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.afisha.uz/books/2010/05/24/metel-vladimir-sorokin>.
- Погорелая Е.* Marche funèbre íа окраине Китая Владимир Сорокин // Вопросы литературы. – 2012. – № 1.
- Сорокин В.* Метель. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 304 с.
- Чехов А.* Палата номер шесть // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1977. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892-1894. С. 126.

Данные об авторе:

Юлия Юрьевна Даниленко – кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета.

Адрес: 614990. г. Пермь, ул. Сибирская, 24.

E-mail: danilenko.juli@mail.ru

About the author:

Julia Yurievna Danilenko is a Candidate of Philology, The Assistant Professor of the Department of Modern Russian Literature of the Perm State Pedagogical University (Perm).